

На правах рукописи

Табутарова Ольга Аюровна

**Омонимия как проявление лексических, грамматических и
деривационных связей в современном бурятском языке**

Специальность 10.02.22-

Языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки, аборигенов
Америки и Австралии (монгольские языки)

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Улан-Удэ 2004

Работа выполнена в Бурятском государственном университете

Научный руководитель: доктор филологических наук,
профессор Будаев С.Б.

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук, профессор Рассадин В.И.
кандидат филологических наук Тагарова Т.Б.

Ведущая организация: Восточно-Сибирская государственная академия
культуры и искусств

Защита состоится 14 января 2005 г. в 15.00 ч. на заседании
диссертационного совета Д 003. 027. 02 в Институте монголоведения,
буддологии и тибетологии СО РАН (670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6)

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке БНЦ СО
РАН (г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6)

Автореферат разослан 11.12.2004

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук

Дырхеева Г.Л.

Актуальность 'реферируемого исследования определяется тем, что, несмотря на то, что в бурятоведении широко изучается словарный состав языка, лексика бурятского языка, совпадающая в плане выражения, но семантически неадекватная остается пока недостаточно изученной. Следует заметить, что специального монографического исследования, посвященного сложной природе омонимов, в бурятском языкознании до сих пор нет, хотя имеют место отдельные статьи и общие замечания по этой проблеме. Результаты анализа данного явления значимы не только для теории лексической семантики бурятского языка, но и необходимы для общей типологии монгольских языков, практике составления словарей. Таким образом, актуальность темы диссертации обусловлена как научной необходимостью, так и практическими потребностями.

Цель настоящей работы заключается в том, чтобы на основе синхронного анализа выявить омонимический пласт бурятского языка и дать ему всестороннюю лингвистическую оценку.

Объектом исследования является лексический состав современного бурятского языка.

Предметом исследования являются лексические единицы с омонимичными отношениями, то есть характеризуется функциональный аспект омонимии. Принцип функциональности связывает изучение омонимов с анализом явлений лексики, грамматики, словообразования. Соответственно, разграничение грамматических, лексических омонимов, возникших путём семантической деривации, открывает возможности их многостороннего анализа.

Достижение поставленной цели определило решение ряда конкретных **задач исследования:**

- 1) проследить историю изучения омонимов в бурятском и русском языках;
- 2) определить критерии разграничения явлений омонимии и полисемии в бурятском языке;

3) описать межсловные и внутрисловные связи между разными лексико-семантическими вариантами одного слова и разных слов (лексическая омонимия);

4) рассмотреть межсловные и внутрисловные связи между разными словами и разными грамматическими формами разных слов (грамматическая омонимия);

5) изучить межсловные связи между словами с разным деривационным строением и разной морфологической структурой (словообразовательная омонимия).

Для решения поставленных задач использовались следующие **методы исследования**: сравнительно-сопоставительный и структурно-семантический; приемы системного анализа, элементы статистического анализа. В тех случаях, когда это необходимо, использовались приемы историко-этимологического анализа.

Методологическую основу работы составляют научно-теоретические труды Н.Д. Арутюновой, О.С. Ахмановой, Ш. Балли, В.В. Виноградова, Г.О. Винокура, Е.С. Кубряковой, А.И. Смирницкого, П.А. Соболевой, Ю.С. Степанова, Д.Н. Шмелева, Т.А. Бертагаева, С.Б. Будаева, У-Ж.Ш. Дондукова, Л.Д. Шагдарова и др.

Научная новизна диссертации заключается в том, что настоящая работа является первым опытом комплексного исследования омонимов бурятского языка. Она нацелена на всестороннее описание типов и видов омонимов бурятского языка. Омонимия должна быть представлена с позиций её функциональной характеристики, которая предполагает структурное и содержательное описание омонимов разного типа. Современному бурятскому языку присуща многоплановость омонимичных отношений между лексическими единицами, что усложняет функциональный аспект исследования омонимии.

Теоретическая значимость исследования заключается в выявлении всех специфически данных о взаимодействии лексики, грамматики,

словообразования при формировании омонимичных связей между единицами языка. Эти единицы и связи между ними классифицированы и типологизированы. В общем плане такое взаимодействие, на наш взгляд, носит универсальный характер и обладает общеязыковыми и специфическими языковыми факторами.

Практическая значимость исследования состоит в том, что приведенный материал может быть использован в практике составления словарей различного направления (толковых, энциклопедических, орфографических и т.д.). Материал исследования можно использовать при написании школьных и вузовских пособий по бурятскому языку, а также при составлении сравнительных грамматик монгольских языков. Результаты исследования могут быть использованы в вузовском учебном процессе: при чтении лекций и проведении спецкурсов по теоретической и практической грамматике бурятского языка.

К анализу привлечены около 900 пар лексических единиц, между которыми устанавливаются омонимичные отношения в плане лексики, грамматики, словообразования. В корпус работы введён список из 400 пар слов, омонимичные отношения между которыми изучаются в обширном языковом контексте. Он раскрывает особенности функционально обусловленного преобразования формы и содержания лексических единиц с однотипными омонимичными отношениями между ними.

Языковой материал исследования извлечён сплошной выборкой слов-омонимов из бурятско-русского словаря К.М.Черемисова (Бурятско-русский словарь. Около 44 000 слов; сост. К.М.Черемисов.- М.,1973), краткого толкового словаря бурятского языка (Краткий толковый словарь бурятского языка. Около 3 000 слов. Улан-Удэ, 1992) и картотеки, составленной автором путём выборки фактического материала из бурятской художественной литературы.

На защиту выносятся следующие **положения**:

- 1) в современном бурятском языке есть группы омонимов с общими и

дифференциальными свойствами: лексические омонимы, лексико-грамматические омонимы, омоформы;

2) омонимичные отношения между языковыми единицами в лексическом аспекте проявляются в виде полной и неполной лексической омонимии. Неполные лексические омонимы встречаются чаще всего среди существительных;

3) омонимичные отношения между языковыми единицами могут проявлять себя в грамматическом аспекте как явление лексико-грамматической омонимии и омоформии. В бурятском языке омоформия чаще проявляется между словами, между грамматическими формами отдельных слов. Наибольшее количество примеров омоформии существует в группах из пар производных слов разных частей речи;

4) словообразовательная омонимия в бурятском языке находит своё выражение при суффиксации и при окказиональной конверсии;

5) омонимия является полигоном исследования системных и асистемных отношений единиц в лексике бурятского языка.

Решение выделенных задач обусловило структуру диссертационного исследования. Оно состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы и приложения.

Апробация результатов исследования. Диссертация обсуждалась на заседании кафедры начального обучения языкам БГУ, её основные положения докладывались на региональной научно-практической конференции «Языковое и литературное образование в бурятской начальной школе (БГУ, 21-22 ноября 2002 г.), на международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию профессоров У.-Ж.Ш.Дондукова и Ц.Б.Будаева (20 ноября 2003 г.). По теме диссертации опубликовано три статьи.

Основное содержание работы

Во введении обоснованы актуальность и научная новизна темы исследования, охарактеризована степень разработанности проблемы,

сформулированы цели, задачи, основные положения, выносимые на защиту, определены методы исследования, раскрыта теоретическая и практическая значимость результатов реферируемой работы.

Первая глава — «**Лингвистический статус явления омонимии**» — содержит два параграфа. В первом параграфе «**История изучения омонимов бурятском и русском языках**» рассматриваются общие вопросы теории омонимии, анализируются точки зрения бурятских и русских учёных на явление омонимии.

Возникновение слов обусловлено назывной функцией самого слова, то есть с процессами названия того или иного объекта, явления, свойства. Однако, создание для каждого объекта, явления или свойства отдельного обозначения привело бы к возникновению громоздкой языковой системы. Поэтому в языке действует принцип экономии в плане выражения языка, так возникает вторичная номинация, то есть употребление уже существующих слов для обозначения различных явлений действительности. Это приводит к асимметричности языкового знака, то есть ситуации, когда одному означаемому соответствует несколько означающих и наоборот. Так возникает явление полисемии — наличие у одного слова нескольких значений и омонимия — одинаковость формы при разных значениях. Причины, лежащие у истоков омонимии, связаны, в первую очередь, с историческим развитием языковой системы, с теми фонетическими, фонологическими, морфологическими, семантическими изменениями, которые претерпевает язык в процессе своей истории, а так как подобные изменения всегда происходят в лексической системе, то возникновение омонимии является неизбежным. Распространённость омонимии в лексикологии, морфологии, морфемике, фразеологии, синтаксисе подтверждает правильность мысли О.С. Ахмановой: «... язык представляет собой особую и специфическую систему, со своими собственными закономерностями, не подводимыми под закономерности других семиологических систем. Это не «конвенциональная», не «изобретённая» система знаков, подобная коду, а

система, исторически возникшая, живущая и развивающаяся по своим собственным правилам и законам [Ахманова, 1957,294].

Поскольку проблемы омонимии имеют общелингвистический интерес и в этих проблемах наблюдаются ряд общих и сходных моментов, которые применимы и к омонимам бурятского языка, то мы сочли необходимым дать обзор литературы об омонимах в других языках. С этой целью мы остановились на работах С.О. Карцевского, Л.В. Шербы, А.Н. Смирницкого, Н.М. Шанского, Н.П. Колесникова, Ю.С. Маслова, М.И. Фоминой, И.С. Тышлера, А.Я. Шайкевича и многих других. В своих научных исследованиях они большое внимание уделяли таким актуальным проблемам, как семантическое развитие слов, типология омонимов, разграничение явлений омонимии и полисемии.

Интерес к изучению омонимии, их происхождению и развитию в отдельных языках, в семьях и группах родственных языков то разгорался, то затухал, но никогда не исчезал полностью. Это объясняется тем, что явление омонимии многоаспектно и требует всестороннего языкового анализа.

В бурятском, а также в монгольском языкознаниях, вопрос об омонимах не ставился, имеются лишь отдельные статьи по этой проблеме. Одним из первых в монголоведении проблеме омонимии уделил внимание Г.Д. Санжеев. В своей статье «Об омонимах монгольского языка» он выделяет различные типы омонимов. Заслуживают внимания корневые (первичные) и вторичные омонимы. Под корневыми он подразумевает те омонимы, которые являются таковыми изначально, и в качестве примера приводит монгольское слово *нам*, под вторичными - омонимы, образовавшиеся в результате «фонетической конвергенции» [Санжеев, 1973].

Специальная статья, посвященная источникам возникновения омонимов, написана У-Ж.Ш. Дондуковым [Дондуков, 1973]. Автор здесь подробно рассматривает пути и способы возникновения лексических омонимов. Изучение омонимов с точки зрения их возникновения и определение тех закономерностей звуковых изменений, которые привели к

образованию омонимов, имеют важное значение для истории языка.

Отдельные замечания об омонимах встречаются в работе «Современная монгольская терминология» Г.Ц. Пюрбеева. Он отмечает, что не все способы образования омонимов, известные в лексике, действуют в терминологии монгольского языка. Словообразовательная омонимия широко используется в терминологии, и при том «один и тот же термин может входить в разные терминологии данного языка»: уе: 1. анат. «сустав», 2. этн. — «поколение», 3. лингв. — «слог», 4. ист. и геол. — «эпоха» (Пюрбеев, 1984, 10). Распад полисемантического слова также является одним из способов образования терминов-омонимов, например: *бус* 1) пояс, кушак; 2) пояс земной; 3) зона; пояс климатический; 4) пояс в доменной печи; *хайлуулах* бус «плави́льный пояс». Метафорическое употребление слов приводит к образованию омонимов в терминологии, например: *хамар* «нос» - *хамар* «*топ.* холм, возвышенность, курган», *тоорцог* «ермолка (головной убор)» - *тоорцог* «*бот.* цветочная чашечка» и т.д. [Пюрбеев, 1984].

Ц.Ц. Бальжинимаева в статье «Об омонимах бурятского языка» отмечает, что грамматические омонимы могут состоять из знаменательных и служебных частей речи, основных и производных форм слова, которые относятся к разным грамматическим классам, например, *бута*, *Нуга*, *зада*, *нуга*, *заа* являются омонимами к словам *бута* «кочка, куча», *зада* «ненастье, непогода», *куга* «подмышки», *нуга* «луг, луговая низина», *заа* «маленький, мизерный» [Бальжинимаева, 1985].

В статье Г.З. Сажиновой «Роль семантических инвариантов при выделении омонимов в бурятском и английском языках» рассматривается проблема критериев выделения омонимов путём «анализа семантических связей, существующих между членами омонимичных пар и групп в бурятско - русском языке» [Сажинова, 1989, 158]. Мы согласны с мнением Сажиновой, что количество омонимов, в действительности, в бурятском языке значительно меньше. Из числа омонимов, приведённых в бурятско-русском словаре К.МЛеремисова, автор исключает диалектные слова, а также

сопоставление целого слова и самостоятельной части слова как омонимы. Например, она считает, что омонимами не являются слова *боохо* «заворачивать, душить» - *боохо* «преграждать, отрезать», *бадха* «угри, прыщи, сыпь» - *бадха* «грязь, болото», *иосохо* «зажигаться, загораться, воспламеняться» - *иосохо* «тормошить, теребить, беспокоить», *нэхэхэ* «преследовать, гнаться, требовать, взыскивать» - *нэхэхэ* «ткать», *ахэ* «мать» - *эхэ* «опара, закваска», *гэшуун* «ветвь, сук» - *гэшууи* «член». По нашему мнению, эти слова являются лексическими омонимами, появившимися в результате переноса значения, т.е. лексико-семантическим способом.

Лексико-грамматические омонимы, как и омонимы вообще, до настоящего времени не были предметом специального углубленного исследования. Большинство монголистов и бурятоведов касаются её лишь косвенно, например, в связи с изучением проблемы разграничения частей речи, словообразования. Например, Г.Д.Санжеев, не признаёт субстантивацию как процесс перехода прилагательных в существительные, но тем не менее отмечает субстантивное свойство имён прилагательных, когда они выполняют в предложении функцию подлежащего и дополнения. «Для того чтобы качественное имя выражало прямое дополнение (объект действия), необходимо оформить его в винительном падеже: *хайтйе шэлэжэ абабаб* «Я выбрал себе лучшее или хорошее»; *утые хараба* «Увидел длинного». Для того чтобы качественное имя выражало подлежащее, необходимо «снабдить» его притяжением: *Иайнгишь ерэбэ* «Лучший (из них) пришёл», *муумьяябаба* «Плохой (мой) ушёл» [Санжеев, 1941].

Правильно замечает здесь А.А. Дарбеева, что «Г.Д. Санжеев здесь не усматривает сдвига имён прилагательных в сторону категории существительных, ибо описанные выше свойства (склонение и функции подлежащего и дополнения) он расценивал как обычную и специфическую норму качественных имён бурятского языка. Между тем подобная специфика свидетельствует лишь о происшедших изменениях в значении имени прилагательного: имена прилагательные как таковые в монгольских языках

не имеют падежных форм. Наличие падежных окончаний при именах прилагательных уже является морфологическим показателем их субстантивного употребления» [Дарбеева, 1958].

Д.А. Алексеев считает, что «характерная черта бурят-монгольских прилагательных именно в том, что они в абсолютном большинстве способны субстантивироваться (становиться именами существительными)» [Алексеев, 1941].

В кандидатской диссертации М.Н. Орловской мы видим первые попытки признания процесса субстантивации имён прилагательных в монголистике. В этой работе большое внимание уделяется выяснению синтаксических функций субстантивированных прилагательных. Субстантивированные прилагательные рассматриваются ею как особые части речи, которые могут быть и прилагательными, и существительными. «В монгольском языке имеется группа таких слов, которые не обнаруживают своей принадлежности к одной определённой части речи, например: *вндер* «высокий», «высота»; *будуун* «толстый», «толщина». Дальше перечисляются признаки, характеризующие эти слова как имена прилагательные. Но, с другой стороны, автор утверждает, что «такое прилагательное, как *вндер* «высокий», становится обычным общеупотребительным существительным в значении «высота» [Орловская, 1953].

Занимаясь проблемой классификации частей речи в монгольских языках, Т.А. Бертагаев также останавливается на субстантивации имён прилагательных. По его мнению, следует различать грамматическую и лексическую субстантивацию. Он считает, что формальными показателями грамматической субстантивации имён прилагательных является наличие при них падежных окончаний и притяжательных частиц. При этом Т.А. Бертагаев указывает, что имена прилагательные приближаются к именам существительным, но не становятся ими. Лексическая субстантивация, по Бертагаеву, означает полный переход прилагательных в категорию существительных. «Классический пример полной субстантивации

представляют слова *баян* «богатый» в значении «богач», *утэлИэи* «старый» в значении «старик» или «старуха», а также появившиеся во время гражданской войны в разговорном языке слова *улаан* «красный, большевик», *сагаан* «белый, белогвардеец» [Бертагаев, 1956].

А.А. Дарбеева утверждает, что следует различать субстантивные и субстантивированные прилагательные. Субстантивные прилагательные замещают имена существительные, не переходя полностью в существительные, а субстантивированные прилагательные «предполагают законченность процесса субстантивации прилагательных, т.е. перехода их в категорию имён существительных» [Дарбеева, 1958]. Она считает, что субстантивация имён прилагательных в бурятском языке в большинстве случаев не завершена, но речь может идти только о субстантивном прилагательном. Также автор отмечает, что синтаксическая функция субстантивных прилагательных отличается от обычных функций имён прилагательных, которые в предложении выполняют роль либо определения, либо обстоятельства образа действия, либо сказуемого. Субстантивные прилагательные, в основном, выполняют роль подлежащего и дополнения. В сущности, это самая обычная функция имён существительных, но совершенно неприменимая к именам прилагательным. Например: *Тэиэг сэсэн хоёрховрэлдэжэшадаагуйюм, гнэмээнъямаанхоёрмургэлдэжэшадаагуйюм* «Как верблюд с козлом не могли бодаться, так и умный с глупым не могли столкнуться», *кайнише муу гутааха, мууе каин заИаха* «Хорошего портит плохое, а плохого выправляет хорошее». Действительно, в тех случаях, когда на принадлежность слова не указывает его структура, когда значение его выражено недостаточно ясно, категориальная принадлежность слова может быть определена только по его синтаксической функции.

На вопрос о том, возникают ли омонимы при конверсии, ясный ответ даёт С.В. Андреева. Она считает, что «процесс перехода слов из одной части в другую можно разделить на два периода: во-первых, в языке образуются лексико-грамматические омонимы. Во втором периоде конверсионного

процесса переход слов в ту или иную часть речи осуществляются окончательно. Слова, перешедшие из одного лексико-грамматического разряда в другой, настолько приживаются в последнем, что для выяснения его происхождения приходится прибегать к этимологическому анализу» [Андреева, 1996].

Завершая обзор отдельных статей и монографий бурятских и русских исследователей, где затрагиваются отдельные аспекты данной проблемы, следует заметить, что омонимы пока ещё не были объектом монографического исследования бурятского языкознания.

Во втором параграфе первой главы **«Омонимия и полисемия, критерии разграничения этих явлений»** рассматривается вопрос отграничения омонимии от многозначности слов, т.е. полисемии.

В лингвистической литературе нет единого мнения по поводу данной проблемы. В частности, в русском языкознании имелись две точки зрения. Одни исследователи считают, что омонимами являются слова, различные по происхождению [А.И.Смирницкий, В.В.Виноградов, А.А.Реформатский и др.]. Более распространённой является вторая точка зрения, согласно которой омонимы могут образовываться на базе многозначности, т.е. в результате распада былой полисемии [Е.М.Галкина-Федорук, О.С.Ахманова, З.А.Толмачева, М.И.Фомина, Д.Н.Шмелев и др.].

Признавая факт образования омонимов в результате расщепления значений слова, специалисты указывают в то же время и на большие трудности определения завершенности и незавершенности этого процесса. Приведем примеры слов, которые ещё не стали омонимами, а находятся на стадии омонимизации, т.е. между омонимией и полисемией: *гэрлэхэ* «жениться» и *гэрлэхэ* «обрамлять, вставлять в рамку», *дайраха* «заходить (или заезжать) попутно» и *дайраха* «задевать, толкать», *жэнгинэхэ* «звенеть, гремять» и *жэнгинэхэ* «усиливаться, крепчать (о морозе)», *мэдэл* «ведение, компетенция» и *мэдэл* «ощущение, восприятие», и т.д. По смысловому соотношению своих значений они стоят как бы на грани распада на

омонимы. Однако большинством носителей языка значения этих слов не поддаются однозначной квалификации, поэтому отнесение их к числу собственно омонимов, с нашей точки зрения, нецелесообразно.

При выделении семантических омонимов важен учёт не только разрыва смысловой связи между значениями слова и их сочетательных различий, но и соотношения слова в своём производном значении с другими словами. Материал бурятского языка показывает, что ненормативность слова в его производном значении не служит препятствием для его квалификации как омонима по отношению к исходному значению, если это значение (производное) в других отношениях удовлетворяет требованиям, предъявляемым к нему как омониму. Например, значения религиозных слов *бухэхэ* «гаснуть, погасать», *саи(г)* «(вос)курение», *бутээл* «созерцание», *мэнзэ* «мзда, плата ламе (за религиозные обряды)» по отношению к своим производящим основам *бухэхэ* «придаться», *сан(г)* «казна», *бутээл* «изделие», *мэнзэ* «родимое пятно» давно уже осмысливаются как омонимы, потому что, как и их нормативные исходные основы, удовлетворяют требованиям, предъявляемым к ним как омонимам.

По вопросу разграничения полисемии и омонимии, которые позволили бы отграничить эти два явления, предлагается много критериев:

1) одним из основным критерием является этимологический. Суть этого критерия заключается в том, что слова-омонимы, образовавшиеся из разных значений слова, должны быть генетически связаны. Однако выявить этимологию многих слов довольно трудно не только рядовому читателю, но и специалисту. В бурятском языкознании недостаточно этимологических исследований, отсутствуют этимологические словари;

2) способность слова в производном значении быть производящей основой для дальнейшего словообразования. Слово в своем производном значении, так же как и в исходном, может стать производящей основой, например: *дуулаха* «петь, воспевать» (*дуулалга* «пение», *дуулагдаха* «воспеваться») - *дуулаха* «слушать, слышать» (*дуулалга* «слушание»,

дуулагдаха «быть заслушанным (или выслушанным)», *жэн* «караван» (*жэнишэ* «возчик» (*в караване*)) - *жэн* «компресс, припарки» (*жэгнэхэ* «конопатить», *жэгнуур* «палочка для конопачения» и т.д. В бурятском языке лишь небольшое количество омонимов становятся производящей основой для дальнейшего словообразования, поэтому и этот критерий не является определяющим для разграничения его от полисемии;

3) учёт своеобразия конструктивных свойств, условий употребления и формообразования омонимов. Одни слова употребляются только с одним или двумя словами, другие со многими словами. Например, в бурятском языке существительные *уур* «гнев, ярость, злоба», *нойр* «сон» устойчиво сочетаются только со словом *хурэхэ* (*уураа хурэхэ* злиться, *нойроо хурэхэ* хотеть спать), тем не менее, эти слова являются омонимами слов *уур* «ступка», *нойр* «поджелудочная железа». Ограниченная употребительность слова, как и его широкая употребительность, в одинаковой мере могут быть и признаком полисемии; ср.: *гонгинохо* «ныть, капризничать» и (*мяха, дураа, ойгоо, сэдхэлээ, нэрэтурээ*) *гутаха*;

4) наличие у каждого члена омонимичной пары своего фразеологического окружения. Суть этого критерия заключается в том, что образование семантических омонимов подтверждает наличие у каждого члена омонимичной пары своего фразеологического окружения, то в каждом языке омонимов, образованных на базе полисемии, было бы всего несколько. В действительности же в любом языке имеются сотни таких омонимов. Но из омонимов, зарегистрированных в бурятско-русском словаре и кратком толковом словаре бурятского языка в состав фразеологизмов входят члены лишь нескольких из них, например: *турэ* «свадьба»; *алтан турэ* золотая свадьба - *турэ редко* «правление»; *турэ саазада баригдаха, ту мэр хадаапанда баригдаха старин, поел*, государственное правление держится на законе, а железо - на гвоздях; *ури* «долг, задолженность»; *уригуй болбол баян гэшишэ, убишэгуй болбол жаргал гэшишэ поел*, нет долгов - богатство, а нет болезни - блаженство - *ури* «ребенок, дитя» *ури хубуутэй*

имеющий детей (или потомство); *уритэй* «имеющий долги, задолжавший»; *уритэй ябанхаар угытэй ябаНан дээрэ* поел, чем жить в долгах, лучше быть бедным; *хулкэн* «пот, испарина»; *хара хулНэн* пот градом - *хулкэн* «заработок, зарплата»; *ажалай хулкэн* оплата труда;

5) синонимический. Согласно синонимическому критерию значения слова образуют синонимические ряды, а омонимы их не образуют: ср.: *тала* «друг, приятель» и *тала* «поле, степь» - омонимы (их синонимы *нухэр* и *дайда*, *газар* не синонимичны между собой); *бэри* «невестка» и *бэри* «замужняя женщина» - значения одного слова (их синонимы *камган* и *эхэнэр* синонимичны между собой);

6) антонимический. Согласно антонимическому критерию многозначные слова не образуют антонимических рядов, а омонимы образуют, ср.: *дэрэ* 1) подушка; 2) подставка (ни одно из этих значений не имеют антонима) и *дунгяа* «глупый, придурковатый» (антоним *ухаатай* «умный») и *дунгяа* «спокойный, тихий» (антоним *шууяатай* «шумный») - омонимы. Материал бурятского языка показывает, что синонимические ряды могут образовывать не только значения слова, но и омонимы, а антонимические ряды - не только омонимы, но и значения слова. К тому же в подавляющем большинстве случаев ни у слов-омонимов, ни у значений многозначных слов не бывает синонимов и антонимов;

7) тематический. Согласно этому критерию, многозначные слова называют понятия, принадлежащие к одной и той же тематической группе, а омонимы могут называть понятия, принадлежащие к разным семантическим группам, например: *газар* «земля; почва, грунт» - *газар* «земля, мир» - *газар* «местность, территория, пространство» - *газар* «земля, суша; участок земли; площадь; уголье» - *газар* «место; местность» - *газар* «место; пункт» - *газар* «учреждение, заведение, орган» - *газар* «пространство; дистанция, расстояние» - значения одного слова; *зэн* «название шелковой материи» - *зэн* «костяной наконечник стрелы», *каба* «высокая кадка для квашения айрака» - *Иаба* «русло» - омонимы. Однако омонимами могут быть и слова,

называющие понятия, принадлежащие к одной и той же тематической группе, а значения одного и того же слова могут называть понятия, принадлежащие к разным тематическим группам: *таар* «тара, мешок» - *таар* «коврик, связанный из скрученной овечьей и козьей шерсти», *тулга* «треножник» - *тулга* «подпорка» - *тулга* «опора» - омонимы, *ган* «засуха, бездожде; бескормица от засухи», «трещина», *туулга(н)* «свинец», «слабительное» - многозначные слова.

Из изложенного видно, что критерии разграничения полисемии и омонимии, выдвигаемые лексикологами, касаются лишь отдельных её аспектов или являются общими. Формальные признаки, сопутствующие различию значений слов при омонимии, могут иметь место и при полисемии. Таким образом, одни из названных критериев характеризуют лишь отдельные случаи разграничения полисемии и омонимии, другие субъективны. Приемлемыми для всех случаев выделения рассматриваемого типа омонимии считаются следующие критерии: обособленность производного значения слова от всех других его значений; способность употребляться как самостоятельная лексема; осмысленность этих двух фактов большинством носителей языка.

Вторая глава диссертации - «**Типы и виды омонимов в современном бурятском языке**», - посвященная классификации омонимов, состоит из трёх параграфов.

Словарные омонимы бурятского языка, с учётом лексического значения и грамматической характеристики слов, можно разделить на следующие типы: 1) лексические омонимы; 2) функциональные омонимы; 3) морфологические омонимы (омоформы); 4) омографы.

Омографами, как известно, считаются слова или словоформы, одинаковые по написанию, но различающиеся в произношении. Например, в русском языке: *мука* «продукт» - *мука* «мучение», *атлас* «географическая карта» - *атлас* «название ткани». В бурятском языке омографов мало, они встречаются среди падежных и других форм слов, например: *шаараар* (ор.п.

от *шаара* «чайнка») - *шараар* (ор. п. от заимствованного слова *шар*) «шаром»; *шарай* «выражение лица, лик» - *шарай* (форма род.п. от заимствованного слова *шар*) «шара»; *маягай* (форма род.п. от *маяг* «вид, форма») - *маягай* (форма род.п. от заимствованного слова *маяк*) «маяка»; *мотор* «двигатель машины» (заимствованное из русского) - *мотор* «правая рука», «десница (поэт.)»; *база* «основание чего-л.» (заимствованное из русского) — *база* «свояк», *баян* «музыкальный инструмент» (заим. из рус.) — *баян* «богатый» и т.д.

В § 1- «Лексические омонимы бурятского языка» - рассматриваются типы и пути образования омонимов. При рассмотрении лексических омонимов бурятского языка, а также их дифференциальных признаков, мы использовали определение понятия, которое сформулировала М.И.Фомина: «Лексическими омонимами называются два или более разных по значению слова, совпавших в написании, произношении, грамматическом оформлении» [Фомина, 1990]. Определение выделяет сходство и различие основных признаков лексических омонимов. Сходными у слов омонимов являются морфологические, фонетические, орфографические признаки. Различие касается только лексической части. Лексические омонимы не обладают никакими связями и отношениями.

Совпадение звучания разных слов в бурятском языке может давать от двух до пяти омонимов. Совокупность этих слов, связанных отношениями омонимии, образуют омонимический ряд или парадигму, например: *бааяха* «клубиться (о дыме, паре)» - *бааяха* «говорить громко» - *бааяха* «наслаждаться покоем, нежиться»; *ой* «лес, бор, роща» - *ой* «годовщина, юбилей» - *ой* «разум, ум»; *талархуу* «дружески расположенный» - *талархуу* «просторный, словно степь» - *талархуу* «норовистый, убегающий (о лошади)»; *уригдаха* «получать приглашение, приглашаться» - *уригдаха* «рваться, разрываться»; *тобиолхо* «застёгивать (пуговицу)» - *тобиолхо* «резюмировать, кратко излагать»; *дурэхэ* «гореть, сгорать» - *дурэхэ* «макать во что-либо» и т.д.

Слово попадает в категорию омонимов только в том случае, если оно соотносится с каким-либо другим словом (или словами), имеющим такую же форму, но другое значение. Таким образом, омонимы выступают в языке не по отдельности, а группами. Из этого следует, что основной структурной единицей омонимики бурятского языка является не отдельный омоним, а группа омонимичных друг другу слов - омонимический ряд.

В процессе развития словарного состава бурятского языка появились разнообразные группы лексических омонимов. Анализ лексических омонимов позволил выявить их формальную и содержательную характеристику:

1) среди лексических омонимов бурятского языка существует омонимы, которые принадлежат к одной части речи и являются полными лексическими омонимами, например, имена существительные (*анха* «шаг» - *алха* «молоток»), глаголы (*тэргэлхэ* «убегать, удирать» - *тэргэлхэ* «запрягать в телегу»), имена прилагательные (*уян* «мягкий, гибкий» - *уян* «умилительный, трогательный»).

2) неполными называются омонимы, у которых совпадают не все грамматические формы. Как показали наши наблюдения, неполные лексические омонимы в бурятском языке встречаются крайне редко, например, в парах «существительное-существительное» (*хура* «дождь» - *хура* «тетерев»; *булэ* «семья» - *булэ* «двоюродный брат»), «глагол-глагол» (*удэшэлхэ* «проводить вечер» - *удэшэлхэ* «выбирать перья (у птицы)», *баруулха* «идти к западу, направляться на запад» - *баруулха* «заставлять закончить, исчерпать»). Например, в парах «существительное-существительное» могут не совпадать формы множественного числа (*хура* «дождь» - *хуранууд* «тетерева» в данной омонимичной паре первое слово не имеет формы множественного числа), в парах «глагол-глагол» не совпадают начальные формы глаголов (*удэшэлхэ* «проводить вечер» (начальная форма глагола *удэшэ*) - *удэшэлхэ* «выбирать перья (у птицы)» (начальная форма глагола *удэшэлэ*), *баруулха* «идти к западу, направляться на запад»

(начальная форма глагола *баруула*) - *баруула* «заставлять закончить, исчерпать» (начальная форма глагола *бара*)).

3) нами обнаружено, что полные и неполные лексические омонимы могут быть осложнены со стороны словообразования, т.е. случайно совпадают разные по строению слова, например: *туруулхэ* «быть или приходиться первым» образован от прилагательного *туруу* «первый, головной, передовой» и *туруулхэ* «1) принимать или выращивать (плод скота); 2) *перен.* порождать, вызывать что-л.» образован от глагола *турэхэ* «1) родиться; 2) родить; 3) телиться, жеребиться и т.д. 4) *перен.* родиться, появляться возникать» и т.д.

4) по нашим данным, в бурятском языке наблюдается количественное преобладание непроизводных лексических омонимов над производными. Производные лексические омонимы образуются с помощью при присоединения к корням различных суффиксов, например: *алхалха* «шагать» от сущ. *алха* «шаг» + суффикс *-ла* и *алхалха* «молотить» от сущ. *алха* «молоту») + суффикс *-ла*; *бэрхэдэхэ* «оказываться более умным, смелым, умелым, сильным, ловким» от прил. *бэрхэ* «умный, умелый, ловкий» + суффикс *-дэ* и *бэрхэдэхэ* «становиться трудным, тяжелым, обременительным» от прил. *бэрхэ* «трудный, тяжелый, обременительный» + суффикс *-дэ*.

В работе также исследованы пути образования лексических омонимов. Появление омонимов, как известно, связано с фактами, обогащающими и дополняющими словарный состав языка - они возникают как за счет его ресурсов, так и под влиянием заимствований. А эти факторы, в свою очередь, связаны с изменением жизни общества, с изменениями экономической и культурной жизни народа. Лексические омонимы бурятского языка образуются несколькими путями. Наиболее продуктивным является суффиксальный способ, например, *тпобгиолхо* «застегивать» от сущ. *гпобио* «пуговица» + суффикс *-ло* и *шобшолхо* «резюмировать, кратко излагать» от прил. *гпобио* «краткий, сжатый»; *голой* «речной» от сущ. *гол* «река» + суффикс *-ой* и *голой* «осевой, стержневой» от сущ. *гол* «середина, ось,

стержень» + суффикс *-ой*

В ходе развития языка слова, употребляясь в разных значениях, превращаются в многозначные слова. Разные значения многозначного слова с течением времени могут настолько отдалиться друг от друга, что могут потерять смысловые связи между собой. Таким образом, семантическое обособление разных значений одного и того же слова способствует образованию омонимов, например: *зэлэ* «натянутая веревка для привязи скота» - *зэлэ* «вереница»; *можо* «группировка» - *можо* «бедро, бедреная кость» - *можо* «косяк (окна, двери)».

Образование омонимов с участием заимствованных слов явилось следствием различных причин, главными из которых являются подчинение внешнего облика заимствованных слов фонетическим особенностям бурятского языка. В образовании омонимов бурятского языка участвовали слова следующих языков: а) древне-тюркский, например: *булаг* «ключ, источник, родник» < др.-тюрк. *булок* «источник, канал» - *булаг* «гнойник»; б) монгольский, например: *жэн* «компресс» < монг. *джин*. < кит. *жэн* - *жэи* «караван»; в) русский, например: *замаг* «тина, водоросли» - *замаг* «замок, затвор (у ружья)» < от рус. замок.

В ходе исторического развития языка некоторые слова, подвергнувшись фонетическим изменениям, совпали с другими словами по звучанию, что привело к образованию омонимов, например: *шагнаха* «наградить, премировать» - *шагнаха* «слушать», *хоео* «1) клыки клык; 2) проволочка для прочищения курительной трубки» - *хоео* «шило из рога косули» и т.д.

В § 2 - «**Функциональные омонимы современного бурятского языка**» - отмечается, что функциональные омонимы - это слова, различающиеся в отношении выполняемых синтаксических функций, возникающие при окказиональной конверсии. Конвертируясь, слова не переходят полностью в ту или иную часть речи, например, субстантивируясь, слова приобретают свойства предмета, а вместе с тем - синтаксические

функции и грамматические категории имени существительного. Например: *Тэнэг шархи хулвэ эсээхэ* (оньфон угэ). Дурная голова ногам покою не даёт (пословица) - *Тэнэг сэсэн хоёр хвэрэлдэжэ шадахагуй, тэмээн ямаан хоёр мургэлдэжэ шадахагуй* (оньфон угэ). Беседовать друг с другом не могут умный и дурак, бодаться не могут верблюд и коза (пословица). *Аи, хугиэн шояо, гарта орохоёо канаканаа мэдэхэдээ, хулИээ дукалуулжа эхилбэ хаш* (Х.Намсараев). А, старый волк, узнав, что попадетсЯ, кажется, начал обливаться потом.- *Зай, иигээд байхада гулваагаамнай хугиэн Балжад абгайхан юу бодожо баша гэшиэб?* (Х.Намсараев). Итак, что же думает старуха гулвы, тетушка Балжад?

Из приведённых примеров видно, что прилагательное может субстантивироваться, переходить в имя существительное и оставаться прилагательным, субстантивируясь только в данном его синтаксическом употреблении. «Тогда оно оказывается в необычном для него синтаксическом положении самостоятельного члена предложения, то есть когда прилагательное лексически не субстантивируется, не получает постоянного предметного значения, оно остаётся субстантивированным только в отдельном его использовании» [Трофимова, 2001].

Таким образом, в бурятском языке, в основном, встречаются примеры окказиональной субстантивации, адъективации, адвербиализации.

Наиболее продуктивным способом словообразования в бурятском языке является окказиональная субстантивация, т.е. переход других частей речи в существительные в определённом контексте.

Окказиональной субстантивации подвергаются прилагательные, обозначающие физические свойства человека (*дулии* «глухой» - *дулии* «глухота», *ута* «длинный, долгий, долговязый» - *ута* «длина, долгота», *тарган* «жирный, тучный» - *тарган* «полнота, дородность»), его нравственно-интеллектуальные признаки (*мунхаг* «неразумный, невежественный, отсталый» - *мунхаг* «невежество, отсталость», *сэсэн* «мудрый» - *сэсэн* «мудрец; мудрость», *тэнэг* «глупый, неумный» - *тэнэг*

«глупость; глупец, дурак»; характер людей (*хвврүү* «разговорчивый, веселый» - *хвврүү* «болтун, весельчак», *аяла* «резвый, игривый, шаловливый, баловной, озорной, своевольный» - *аяла* «шут, паяц», *бидагууша* «льстивый, угодливый, подбострастный» - *бидагууша* «льстец, подхалим»); прилагательные, обозначающие цвет (*соохор* «пестрый» - *соохор* - пестрина, *перен.* полузабытье», *улаадай* «красенький» - *улаадай* «краснушка», *хабхар* «темный» - *хабхар* «темнота, мрак»), физическое состояние или состояние окружающей среды (*бурэнхы* «мрачный, пасмурный» - *бурэнхы* «мрак, сумерки», *дулаан* «теплый, перен. ласковый, приятный» - *дулаан* «тепло, оттепель (о погоде), теплота», *тунгалаг* «чистый, прозрачный, светлый, ясный» - *тунгалаг* «чистота, прозрачность») и т.д.

Окказиональная субстантивация причастий приводит к омонимии, причиной чего является конкретизация значения, например, *бэдэрээшэ* «разыскивающий, ищущий» - *бэдэрээшэ* «геолог-изыскатель», *харагша* «смотрящий, осматривающий, рассматривающий» - *харагша* «зритель», *жэргэгшэ* - «щебечущий» - *жэргэгшэ* «щебетунья» и др.

Субстантивированных числительных в бурятском языке немного. Причиной субстантивации числительных является употребление их в предложении в функции дополнения, например, *хоер* «два» - *хоер* «двойка», *дурбэлжэн* «четырёхугольный, квадратный» - *дурбэлжэн* «четырёхугольник, квадрат» и т.д.

Окказиональная субстантивация наречий также не распространена, например, *углввгуур* «утром, поутру» - *углввгуур* «утро», *углвв* «утром, завтра» - *углвв* «утро», *удэшэлэи* «вечером» - *удэшэлэн* «вечер».

В бурятском языке адъективации подвергаются большей частью имена существительные, в результате чего образуются функциональные омонимы, например, *ямаан* «коза» - *ямаан* «козий», *ногоон* «зелень, трава» - *ногоон* «зеленый, незрелый, неспелый», *оюуи* «бирюза» - *оюун* «бирюзовый» и т.д.

Окказиональной адвербиализации подвергаются такие прилагательные, например: *амжалтатай* «успешный» - *амжалтатаан* «успешно», *дуугайхан*

«молчаливый» - *дууганхан* «без звука, молчаливо», *дүтэ* «близкий, ближний, кратчайший, прямой» - *дүтэ* «близко, поблизости; близко-близко; поближе; вблизи» и т.д.

Также адвербиализуются некоторые существительные, числительные, например, *зун* «лето» - *зун* «летом», *куни* «ночь» - *Иуни* «ночью», *гансаараа* «только один» - *гансаараа* «одиноко, в одиночестве; уединённо», *нэгэ* «один» - *нэгэ* «раз, один раз» и т.п.

Для бурятского языка характерен контекстуальный переход знаменательных слов в служебные. Знаменательные части речи окказионально конвертируются в послелого, усилительные слова, междометия.

В послелого окказионально конвертируются наречия (*газаагуур* «по внешней стороне чего- либо; поблизости» - *газаагуур* — «мимо, помимо», *саагууркаа* «издалека» - *саагууркаа* «из-за» и т.п.), существительные (*дотор* «внутренности, кишки; подкладка; глубь, глубина» - *дотор* «внутренний, нижний (о белье)» - *дотор* «внутри, в, во», *дунда* «середина» - *дунда* «средний, неполный» - *дунда* «между тем (или в то время) как, среди, между, в, на и т.д.» и т.п.

Также наблюдаются случаи окказионального перехода прилагательных и существительных в усилительные слова, например, *яяр* «плохой, скверный, негодный, дрянной» - *яяр* «совсем, вовсе», *харашагуй* «безобразный, страшный» - *харашагуй* «страшно, ужасно, исключительно», *лай* «напасть, беда» - *лай* «очень», *курэг* «стадо, стая; косяк; туча (комаров, мошки и т.п.), толпа, скопище, сборище (людей)» - *Бурэг* «чрезвычайно, весьма, очень» и т.п.

Зафиксированы факты окказионального конвертирования существительных и прилагательных в частицы, например, *вира* «сила, мощь» - «*бира* - част. усил. к словам с начальным *би*», *бута* «кочка; куча, кучка» - *бута* «частица усил. при глаголах со значением вдребезги, в прах, наголову, совсем», *квел* «замечательный, исключительный» - *квел* «частица усил., часто

выражающая превосходную степень весьма, особенно, чрезвычайно, очень», *боро* «серый» - *боро* «частица усил. при глаголах сквозь, насквозь, напролёт» и т.п.

Таким образом, для бурятского языка характерна окказиональная (контекстная) конверсия, в результате которой появляются функциональные омонимы.

В § 3 рассматриваются морфологические омонимы (омоформы) бурятского языка. Нами выявлено 350 пар языковых единиц, в которых отмечена омоформия. Омоформы в бурятском языке в большинстве своем представлены случайными совпадениями разных слов при их грамматических преобразованиях, а также в случаях совпадения разных грамматических форм одного слова. В работе рассмотрены пары из производных слов разных частей речи:

а) производные знаменательные слова, например, *угэ* «слово, речь» - *угэ* «давай, отдай, подавай повел, накл. от *угэхэ*», *элдиц* «привольный» - *элдин* «лишай», *тобио* «пуговица» - *тобио* «краткий», *хэтэ* «огниво» - *хэтэ* «вечно, всегда, навечно, навсегда»;

б) производные знаменательные и служебные слова, например, *бута* «1) кочка; 2) куча, кучка» - *бута* «част. усил. при глаголах со значением вдребезги, в прах, совсем; *бута сохихо* разгромить, разбить», *зуд* «гололедица, бескормица от гололедицы» - *зуд* «очень, сильно, *зуд тарган* страшно жирный», *тула* «таймень» - *тула* «для, за, ради, из-за; из-за этого, поэтому; *тэжээл звхын тула* для перевоза кормов» и т.п.;

в) производные служебные слова например, *тэб* «звукоподражательное слово стуку, шуму» - *тэб* «частица усилительная, к словам с начальным *тэ-* \ *тэб тэгшэхэн* совершенно ровный», *а* «союз противительный» - *а* «частица вопросительная», *ура* «частица усилительная к словам с начальным *у-*; *урауришагаршаг* весь в морщинах» -*ура* - «ура! междометие» и т.п.

В бурятском языке также наблюдаются случаи омонимичных отношений между структурно неоднородными языковыми единицами, т.е.

когда одна из них в паре является непроеизводной, а другая - производной (обладает морфологически мотивированным строением и мотивированным содержанием). Например: *хээтэй* I «с узорами, с разводами, с орнаментами» - *хээтэй* II «1) сделанный; 2) налитый; насыпанный» образовано от глагола *хэхэ* «делать; класть, накладывать; наливать и т.д.» + суффикс —*тэй* - *хээтэй* III «сестра, сестрица». В этом примере *хээтэй* I (существительное в творительном падеже) - *хээтэй* II (отглагольное прилагательное) - *хээтэй* III (существительное в именительном падеже) случайно совпали формы разных слов. Первое и третье слова непроеизводные и являются результатом словоизменения (творительный падеж *хээ* - *хээтэй*), а второе - результатом словообразования.

Встречаются примеры омоформ, осложненных и грамматически, и деривационно. Например: *зориг* I «смелость, сила воли; 2) стремление; намерение; желание» - производное существительное от глагола *зоргао* «стремиться к чему - либо или куда-либо; намереваться» + суффикс -г и *зориг* II «стремись, намеревайся» повелительная форма глагола *зорихо*; *бэшэг* I «письмо, письменность; запись» - производное существительное от глагола *бэшэхэ* «писать» - *бэшэг* II «пиши, напиши» повелительная форма глагола *бэшэхэ* и т.п.

Омоформы могут быть выражены различными частями речи, одинаковыми по структуре лишь в данный совпавший момент. Таким образом, омоформы - это формы не постоянные, а временные, существующие до последующего преобразования. Когда они изменяются, то уже начинают различаться между собой как по звучанию, так и по форме.

В заключении даны основные выводы. Результаты данного исследования вносят определенный вклад в методологию изучения омонимии как лексической категории, что открывает новые перспективы в изучении лексико-семантической структуры слова в бурятском языке. Проведённое исследование даёт возможность проследить за закономерностями формирования разных групп слов-омонимов и открывает новые

перспективы их изучения в бурятском языке.

Изучение омонимов, выяснение путей их образования, а также определение их различных типов и видов имеют прямое отношение ко многим проблемам языка, от правильного разрешения которых зависит решение и ряда вопросов исторической лексикологии, семасиологии, лексикографии и грамматики. Исследование омонимов и составление их словаря помогут правильно определить семантические границы слов, и будут иметь большое практическое значение для лексикографической работы.

Содержание диссертации отражено в следующих публикациях автора:

1. Табутарова О.А. К вопросу об омонимах современного бурятского языка // Проблемы фольклористики, литературоведения и языкознания (памяти д.ф.н., профессора ИГУ Н.О.Шаракшиновой. 23-24 ноября 2001г.). - Иркутск, 2001.-с. 117-120.

2. Табутарова О.А. Лексическэ ба морфологическа омонимууд тухай // Русский и бурятский языки: проблемы языкознания и методики преподавания.-Улан - Удэ, 2003.-е. 152-155.

3. Табутарова О.А. Пути образования лексических омонимов в современном бурятском языке // Современные проблемы филологии. -Улан-Удэ, 2003.- с.70-73.

Подписано в печать **6.12.04**. Формат 60 x 84 1/16.
Усл. псч. л. **1,57**. Тираж 100.Заказ\245.

Издательство Бурятского госуниверситета
670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а

#23902